

МАРИНА ТАНАЕВА

БЫТЬ СОБОЙ

СТИХИ И РАССКАЗЫ

МАРИНА ТАНАЕВА

БЫТЬ СОБОЙ

СТИХИ И РАССКАЗЫ

МАЛОКРОВИЕ

Малокровие лета,
Холод ранних седин.
Деловые рассветы,
Ненакормленный сын.

Сквозь миноры мажором
Выступает июнь.
Дождевые узоры
Плавят трещины лун.

Зацелованный рыцарь
Разбудил не меня.
Мне столетья томиться
Без Святого Огня.

ДОЖДЬ

По проспекту пасмурного лета
Разметались будни, уходя.
Дворники в стекле мелькают: «Где ты?»
Вольный стиль холодного дождя.

Но моя машина, словно катер,
Превращает лужи в сотни брызг.
Судорожно вспомнится фарватер
И его очередной сюрприз.

Образ твой во мне, лучист и светел,
Где ты среди хаоса и брызг?
Где-то дремлет вечность на Тибете,
Да молчит в Египте древний сфинкс.

ЭПИЗОД

Рассыпался по переулкам дождь,
Не удалась грозы инсценировка.
Импрессия, депрессия и дрожь.
Побег, паденье, розыгрыш неловкий.

В залитом парке отцвела сирень,
Одно спасенье – старая беседка.
Бескрылый ангел и безликий день.
Назойливая ненависть-соседка.

Тела, дела... Живут, спеша, греша...
Обмен Любви на лоскуточки страсти.
Ничем не замутнённая Душа
Запуталась в сетях бесовской власти.

РОЗОВЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Потоп...Гроза...
Шальные люди
И светофоры- маяки.
К тебе нельзя,
По небу судя.
За целый вечер – ни строки.

Потом...Сейчас...
Опять не встретясь,
Уйдём в мерцанье дней и лет,
И ливнем залитый троллейбус
Исчезнет в зареве планет.

Господь – со мной,
Но веры ребус
Не разгадать тебе. Мы ждём
Спасенья розовый троллейбус,
Небрежно залитый дождём.

НОЧЬ В БЕРЛИНЕ

Берлинской ночью, тёплой, сонной,
Я шла по улицам одна.
Под неуютным небосклоном
Дремала странная страна.

Напрасно силилась согреться
За чаем в маленьком кафе.
На фотографии у сердца –
Смешной мальчишка в галифе.

Уже не плачет мать о сыне,
Но светлых слёз не скроет мгла.
Мой дед, дошла я до Берлина,
К Рейхстагу за тебя дошла!

ВЕЧЕР

Усталый вечер безнадежен,
По рельсам солнце едет прочь.
Прохлада бьёт неровной дрожью
Прохожих, уходящих в ночь.

Из набежавшего тумана –
Фигура в чёрном. Это – он,
Не месяц с ножиком в кармане,
А поздних рифм сердечный тон.

Танцуем танго по квадратам
Метро, и танец, как полет,
Но ждём печальный эскалатор,
Который в бездну унесёт.

В МАЕ

Прочь скользнут остатки лени,
Вдох и выдох, и подъём.
Парфюмерией сирени
Летний воздух напоён.

Игры с грустью неприличны,
Стёрлись линии тоски.
Под рассказы электрички
Буду я писать стихи.

Все в порядке, я – живая,
И несет меня стрела
Помолиться, проезжая,
На кресты и купола.

НАДЕЖДА

Опять надежда каменеет,
Без веры – только утонуть.
Кругом счастливые плебеи
Сплетают матовый уют.

Он разрастется в паутину,
Вонзится в тело, выпьет кровь,
Колдуя надо мной, бессильной,
Предложит кофе и любовь.

Не в силах «нет» ему ответить,
Глаза закрою, промолчу,
Стихов бескрылых пируэты
В себе навеки заточу.

Опять надежда каменеет,
Но розовеет небосвод.
В уюте ждут меня плебеи,
А рифма где-то в скалах ждёт.

***

Меня очень много, но это – пустяк,
Распухнешь в такой круговерти.
Твой «Сименс» по строкам
Не может никак
Стереть этот номер для смерти.

Он умер, признаться, и шок. И столбняк,
Но ты отпусти его с миром!
А я-то – живая, и мне-то никак
С тобой в опустевшей квартире!

Попробуй, коль хочешь, ему позвонить,
Быть может, тебе и ответят.
Смешной паутиной растаяла нить
К нелепой последней беседе.

На бешеной трассе – не каждый итог,
Пусть это тебя успокоит.
Роман не удался, так пусть некролог
Напишется свежей строкою.

ВСТРЕЧА

Туманности прошлого пенят закат.
Плеяды смеются ехидно.
К дешевому пошлomu рвется твой взгляд,
А я рвусь к созвездью Дельфина.

Неярок мой облик и скромн наряд?
Не хочешь задаться вопросом:
В космической доле что мог означать
Мой шифр – это «М-38»?

Не спорю – ты – супер, и всех под откос –
Убойный крутой астероид...
Но М-38 – скопление звезд.
Подумай, быть может, не стоит?

МЕЖДУ...

Антарктической зимы
Резкий холод в кабинете.
Аккомпанементы тьмы.
И прозрения о лете.

Где-то протекает кран,
По аллеям нервы вьются.
В сердце – ты и ресторан,
И пора бы мне проснуться.

Мир окончился давно.
Я – меж адом и меж раем
Пью дешевое вино,
О французском вспоминая.

ЗИМОЙ

Взвыла вьюга под забором –
Не замерзни, но пляши.
Уползай по коридорам
Заторможенной души.

Выживая под забором,
Зарывайся, как червяк,
С фанатизмом и задором –
Вглубь себя, иначе как?

Вглубь, по венам и по крови,
К сердцу – бережной щекой,
Панцирь – кожа все укроет:
И смятенье, и покой.

Каждой твари – по потребе,
Ну а мне, скорбящей, – стих.
Вижу россыпи на небе
Милых родинок твоих.

СЕБЯ ОПРАВДАТЬ?

По лестнице вверх или вниз,
Но только всегда – без оглядки,
Сквозь гипертонический криз,
Инфарктов, депрессии припадки.

Послышится ангелов хор
Из дальних иных измерений.
Сознания печальный укор.
И путь на земле без прозрений.

Себя оправдать мы не прочь
Карьерой, пустыми речами,
Но лишь нерожденная дочь
Всегда будет плакать ночами.

ОТЧАЯННЫЕ МЫСЛИ

Дни становятся короче,
Сны становятся абстрактней.
Старость зеркало пророчит,
И морщины все бестактней.

Август злой, со звездопадом,
Листья – в прошлое записки.
Пусть по-прежнему ты – рядом,
Не могу сказать: ты – близко.

Мысль отчаянная гложет,
Мысль, с которой мне не страшно:
Ты найдешь себе моложе.
Я найду себе постарше.

ВИДЕНЬЕ

Спокойной охрой день окрашен,
Не зной, не холод в сентябре.
Закрылась в терем свой бумажный
И вижу образ на заре:

Село заброшенное в поле,
Бурьян вокруг монастыря,
Девичий взгляд исполнен боли,
А ризы золотом горят!

Она пришла спасенья ради,
Святой Руси предвидя крах,
И снова бродит Богоматерь
С Христом – младенцем на руках.

ОДИНОКАЯ

Квадрат окна в подъезде душном,
Углём исписана стена.
На третьем этаже – старушка,
В её глазах тоска видна.

Лик Одиночества суровый.
Дрожит седая голова...
Её спасут одно – два слова,
А жизнь в ней теплится едва.

Приснится домик с палисадом,
Покос, реки живая нить.
Она и в сон уйти бы рада,
И серость города забыть.

Людей встречает на рассвете,
Улыбка каждая важна.
А где-то в городе есть дети,
Но мать им больше не нужна...

***

О. Василию

Фотография – словно рана,
Не дописан иконы свет.
Ты ушёл в Небеса так рано,
Только в храме ищу твой след.

На край памяти мчит дорога,
Где покоится Блока труд:
Утром русские молят Бога,
Но до одури ночью пьют.

Принцип жизни земли российской:
То молитва, а то – разбой,
Ночь, как смертница-террористка,
Увела тебя за собой.

Верю: слышишь ты эти строки,
Только вера – спасенья нить.
Знаю: будешь ты где-то Бога
За потерянных нас молить.

СЛАВЛЮ

Колокола и сердца стук
Слились в одно: я Бога славлю.
Чем больше мистики вокруг,
Тем крепче в сердце православье.

Без покаянья – пустота.
Без храма – тесная усталость.
За мной – Россия неспроста,
В ней всё святое задержалось.

Под сенью честного Креста
Дышу, живу и Бога славлю,
А Русь всегда была свята,
И вместе с нею – православье.

ДУША МОЯ – ЁЖИК

Душа моя – ёжик,
Иголок комок.
Но страх меня гложет,
А ум занемог.

Где Ангел – хранитель?
Зачем отошёл?
Простите, поймите:
В сознание – раскол.

Над миром непрочным –
Созвездие зла.
Я – против, Порочность,
Я в душу вползла.

Ты не уничтожишь
Папирусы строк.
Душа моя – ёжик,
Свернулась в комок.

БЫТЬ СОБОЙ!

Вечную мерзлоту поправ,
Я в гамлетизм не погружусь.
Кто-то из нас навеки прав,
Знать бы, где – минус, а где плюс.

Тянет высотная болезнь
Мыслей источник раздробить.
Это не цель – повыше влезть,
Это – попытка честной быть.

Спрятаться в книгу, в персонаж,
На полотне ли замереть,
Только, увы, любой типаж
Высечет автор – жизни плетть.

Цель: задыхаясь, быть собой,
А не любой ценой лет сто.
Мне бы уйти своей тропой,
И оправдаться пред Христом.

ПАСХА

Души, отпечатки пальцев,
Потянулись к небу с лаской.
К разным звёздочкам-скитальцам
Тихо подступает Пасха.

Контур тела растворится
На пути великом Млечном.
Параллель соединится,
Как обыденное с вечным.

Треск свечи диктует строки
Чернокнижникам на зависть.
Я с Христом в пути – дороге
Воскресаю и спасаюсь.

В ПАРКЕ

В ветреном парке –
Фигуры изо льда.
В темени арки –
Тристан и Изольда.

Руки – сплетенья,
Дуэт среди ночи.
Лишь фонари
Над их тенью хлопочут.

Жаль мне безмерно,
Но мы так не можем,
Помнится: верность
Для тех, кто моложе.

НЕ ЖАЛКО

Мне уже себя не жалко:
Шах и мат, и ночь в глазах.
Не спасешься в полушалке
В антарктических снегах.

Люди, люди! Все вам мало.
В темноте горят глаза.
Стук – и голова отпала,
И не плачь по волосам.

Доживаю в сени храма
И не плачу о себе.
Только свечи ставит мама
О загубленной судьбе.

ВЫБОР

Прочь от работы.
Все, не желаю!
Безделие.
Жить до субботы.
Еле живая.
Безденежье.

День не умрёт,
Но песне – конец.
Вынести.
Сердце моё
Из детских сердец
Вырвете?

УБЕГАТЬ

Эпитет ночи. Звездно. Пусто.
Река уносит слабый лед.
В душе – далёком захолустье-
Печальный образ твой живет.

Но я не знаю, что с ним делать.
Твои слова в ночи звучат.
По тупикам блуждает смелость
И дни, и месяцы подряд.

Меня спасет, надеюсь, лето
Или экспромта благодать.
Твои вопросы – без ответа.
Придется снова убегать.

НЕ КАМАСУТРА

Тревога. Серверы. Пароли.
В сознание – файлов пересчет.
Ни сообщения на волю!
Но внешний вирус не пройдет.

За нами наблюдают немо,
Следят – не более того.
Но поисковая система
Займется поиском Его.

А если я умру под утро,
То не смогу ему сказать:
Моя любовь – не камасутра,
А лишь молчанья благодать.

РЕНЕССАНС

Веленьем Господним
Сбывается сказка.
Я, девушка – страсть,
Себе воли не дам.
Но сердце сегодня –
Газон мавританский –
Безудержно стелется
К Вашим ногам.
Эстетика рвется
Сквозь образа тайну,
А ветер из шёлка
Скользнет в волосах.
Но помню: я Солнцем
Согрета случайно.
Не выдать восторга
И спрятать глаза!

РОССИЯ – СО МНОЙ

Сосиски и пиво –
В берлинском отеле.
Вино, круассаны –
В парижском бистро.
Меня понесло
По волнам ностальгии
В Россию к берёзам
И песням ветров.
Без милого края
Мы – просто калеки.
Чужое – в музее,
А наше – в сердца.
И если я – русская, это – навеки,
И значит: Россия со мной до конца!

ЛИКХРИСТА

На иконе – Лик Христа.
Взгляд разящий – прямо в душу.
Сила грозная чиста
И мирские страсти рушит.

Я смотрю и не могу
Перед Небом оправдаться
За игривую строку
Или пламенные танцы.

Снова знаменья верша,
Мысли я ловлю без страха:
«Успокоится душа
В одеянии монахинь».

ЖДУ

Моё терпенье канет в пропасть,
А окна вымокнут от слез.
Я жду тебя, как ждут автобус
В сорокаградусный мороз.

Я жду тебя самовлюблённо,
И никому и никогда
Не быть такою воспаленной
И не искриться в проводах!

Я жду тебя с тоской, азартом.
Со всех высот о том трубя.
До помраченья, до инфаркта
Я беспредельно жду тебя!

КАРТИНЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Струйка крови на лице Христа.
Отголоски бунта во Вселенной.
Как скелеты – храмы без креста.
Памятники смерти и измены.

Пустяки и вечность – кувырком.
Но Господь – единственный мой пастырь.
Помню – пробиралась в храм тайком,
Сбросив дома пионерский галстук.

В сердце был не бронзовый Ильич,
А живой Христос в венце терновом.
Я пыталась истину постичь,
Старое считая вечно новым.

В НОВОМ ХРАМЕ

Шифон небес над новым храмом,
Уют молитвы, свет в окне.
Куруется ладан неустанно.
И вздрогнула душа во мне.

Затрепетала – увидала
Одежды пыльные свои.
На ней оставили немало
Пустоты, рухнувшие дни.

Распался быт многоэтажный
Под тяжестью неровных плит.
Себя почувствовав бумажной,
Душа заплакала навзрыд.

ПРИХОДИ

Приходи сегодня в гости –
Покажу тебе иконы.
Нет во мне вчерашней злости,
Нет в душе монет червонных.
Прочитаю вслух молитвы
И зажгу свою лампаду.
Дверь моя всегда открыта –
Стань для Бога всем, чем надо.
Красота одна – Господня.
Я обетов не нарушу.
Жаль мне – видишь ты сегодня
Грудь мою – совсем не душу.
Не суди односторонне.
Твои руки – паутина.
Я – подобие Господне,
А не пошлая скотина.

БЕЗДУХОВНОСТЬ

Бездуховность –
Жизнь без духа,
Нескромность
И скука.
Жизнь в мире
Животных,
И нравов свободных.
Там, где у тела –
Душа в неволе.
Грешить умело,
Грешить без боли.
Бездеятельность
И бездомность.
Сжечь молодость.

P.S.

Скорчись под старость
В пустой квартире.
Пойми: всё потеряно
В этом мире.

ТРИПТИХ

Триптих жизни таков:
Детство, юность и зрелость.
И в ущелье веков
Бесконечность согрелась.

Бег затравленных дней,
Как молитва без веры.
Среди царства камней
Есть святые пещеры.

Мощи в недрах плиты
На века онемели,
И бегу я к святым
По молитвы туннелю.

В МОДЕ?

Когда они сгинут? –
Надежду лелею –
Тираны из глины,
Гнилья мавзолеи.
Вживается в постеры
И в сигареты
Символика Злости,
Срывая запреты.

Советское – в моде,
Но сердцу дороже
Расстрелянный сбродом
Помазанник Божий.

«ВЕЩЬ В СЕБЕ»

*Благослови, душе моя, Господа.
И вся внутренняя моя имя святое Его.
Пс.102*

Упрек мне в спину: «Вещь в себе».
Наступит август изможденный,
Но есть Господь в моей судьбе.
И я не стану побежденной.

Господь – моя Святая Нить,
Мой путь на Небо возвратится,
Что лучше: ослепленной быть
Или слепой на свет родиться?

Не то, не так... Господь в судьбе,
И это главное, я знаю.
Уйти в себя, пусть «Вещь в себе»
Его в душе благословляет.

ДОЖДЬ

По проспекту пасмурного лета
Разметались будни, уходя.
Дворники в стекле мелькают: «Где ты?»
Вольный стиль холодного дождя.

Но моя машина, словно катер,
Превращает лужи в сотни брызг.
Судорожно вспомнится фарватер
И его очередной сюрприз.

Образ твой во мне, лучист и светел.
Где ты среди хаоса и брызг?
Где-то дремлет вечность на Тибете
И молчит в Египте древний сфинкс.

ОСЕНЬ

Дальновидная осень крадется
По просторам высокой травы.
Ей беспомощный август сдается
Под чарующий шорох листвы.

Как баллада, кончается лето.
Осень тихую песню поет.
В первый раз не жалею об этом,
Провожая закат и восход.

Купола золотеют меж кленов:
Помолись, суета подождет.
Меч дамоклов висит, занесенный.
Конь Троянский стоит у ворот.

МАРТ

Экспозиция марта –
Метель и вода,
И грачи, как эпитеты лета.
Попирая стандарты,
Ворвется весна,
Расставляя без смысла
Сюжеты.
Вот актриса Орлова
И песня «Ручьи» –
Повышать настроенье
Не нужно.
Пасха близится снова –
Её куличи
Понесут непременно
На службу.

КТО-НИБУДЬ ОТВЕТИТ...

На родных просторах – только ветер,
Под крестами, в поле – мой народ...
Кто-нибудь когда-нибудь ответит
За степных стервятников полёт.

Журавли колодцев – руки к небу
Или свечи – «Упокой село»?
На полях – репейник вместо хлеба,
Кладбище бурьяном заросло,

Школа заколочена, и дети
До райцентра в путь обречены...
Кто-нибудь когда-нибудь ответит
За развал моей родной страны!

АПРЕЛЬ

Скамейки, фонтаны,
Разгул тишины.
Фрагменты желаний,
Флюиды весны.

Курганские лужи,
Фарфор – гололед.
И к Пасхе на службу
Стремится народ.

Опять отстраняюсь
От правды и лжи.
С молитвой слоняюсь
По холлу души.

ВСТРЕЧА В БЕРЛИНЕ

Я никогда и не знала, что в Европе сирень цветет так буйно!

Весной прошлого года наша туристическая группа подъезжала к Берлину, и после долгого переезда хотелось, наконец, не просто созерцать роскошные белые, голубоватые и розовые кусты со второго этажа экскурсионного автобуса, но и насладиться неповторимым весенним воздухом. Вечерело. Мои туристы-школьники уже дремали, уставшие от массы впечатлений. Наш отель- автобус припарковался на Александерплатц, и я решила воспользоваться задержкой отправления, предупредив водителя, что вернусь через 20 минут. Этого времени мне вполне хватало, чтобы пройти к реке Шпрее, остановиться на набережной у ресторана и вдохнуть в себя аромат сирени полной грудью. Всего лишь вдохнуть. Срывать ветки сирени, как это принято в России, здесь не принято.

Столики ресторана на берегу Шпрее были заполнены людьми всех возрастов и национальностей, немецкая речь перемешивалась с итальянской, китайской и английской. Я в последний раз вдохнула запах сирени, посмотрела на проплывающий мимо речной трамвайчик и помахала в ответ хмельным поющим немцам. Наверно, я никогда больше сюда не приеду, подумалось вдруг, и я, неожиданно для себя самой закричала вслед уплывающему трамвайчику: «Прощай, Берлин!» От моего крика вздрогнул пожилой мужчина, сидящий на скамье рядом с кустами сирени. Минуту спустя он поднялся и, опираясь на красивую резную трость, подошёл ко мне. «Русишь?» - спросил он. Я перешла на родной ему язык и рассказала, что зовут меня Татьяна, я руководитель туристической группы из России. Пожилой немец стоял передо мной по стойке смирно, что меня несколько смущало. Он был высокий и сухощавый, на вид ему

можно было дать лет 80. Мужчина напомнил мне чем-то Шерлока Холмса в исполнении актёра Василия Ливанова – тот же орлиный нос, та же трубка, которую немец держал в руке. Единственное, что отличало его от персонажа Артура Конан Дойля – это неимоверно большие уродливые уши. Я против своей воли смотрела на них и ничего не могла поделать с собой.

– Меня зовут Хайнц Шмидт, – заговорил незнакомец.

Я взглянула на часы, мой неожиданный собеседник понял, что я тороплюсь.

– Татьяна, могу я Вас попросить... – по его лицу волной пробежал нервный тик. – Я, наверно, скоро умру. Рак. Да и возраст, знаете. Так вот, могу я погладить Вас по голове и попросить у Вас прощения?

– Зачем?!

– Умоляю, не спрашивайте, хотя... Но дайте сначала исполнить то, о чём я попросил!

Я подошла ближе, он положил мне на голову холодную костлявую руку и сказал на ломаном русском: «Простьи, Катюща».

– Мне ответить за Катюшу или молчать?

– Вы – это она. Вы с ней похожи. Я буду знать, что попросил прощения.

– Господин Шмидт, но я не могу простить, не зная, за что.

– Вам куда нужно пройти? Ах, да... Эти туристические автобусы. Один из них – ваш, не так ли? Пойдёмте, я провожу Вас. Вы не возражаете?

И мы уже медленно шли мимо столиков уличного ресторана, мимо телевизионной башни и ночных витрин. Встречные прохожие удивлённо смотрели на русскую девушку в спортивном костюме и пожилого немца в серой тройке и длинном светлом плаще. Мы остановились у автобуса. Мой школьники уже спали, водитель готовился к отправлению. Я взглянула на Хайнца Шмидта, он был очень бледен.

– Хорошо, – начал он, – я должен это рассказать. Коротко, чётко

и без самооправдания. Другого шанса не будет. Сейчас или никогда! – и он, горько вздохнув, продолжил, – недалеко под Курском была деревня, где разместились наши войска. Я был тогда простым солдатом... Хозяйка дома, где мы остановились, не скрывала ненависти и всё время молчала. У неё была дочь, светловолосая и светлокожая, как Вы, которую она звала Катюшей. Мне было тогда 18 лет, честно говоря, я и не знал, зачем эта война, но выполнял приказы.

Однажды утром я понял, что Катюша мне нравится. Я тихонько подкрался к ней во дворе дома и поцеловал её. Она вскипела и ударила меня по щеке. Затем она плюнула мне на грудь и сказала «Фашист!» Клянусь, этим бы всё и закончилось, но за нами наблюдал унтерофицер Рихард фон Клауде... хотя, его имя теперь не имеет значения... Он приказал:

– Расстрелять, живо!

Квартирная хозяйка бросилась защищать Катюшу. Их поставили к деревянному сараю, и я вскинул автомат ... Они были убиты одной очередью...я не обернулся к унтерофицеру : в глазах стояли слёзы. Я опустил перед Катюшей на колени...глаза были открыты...такие же серые, как у Вас...Я видел много смертей, и до этого случая, и после него, но эту смерть я не забуду никогда.

Последние слова он говорил уже шёпотом, а я невольно отступала от него, жалея, что разрешила ему рассказать эту историю. Я удалялась от него шаг за шагом, пока, наконец, не оказалась на ступенях автобуса.

Немец смотрел на меня слезящимися глазами, и повторял: «Прости...прости...Катюша...» Я молчала. В это время заработал двигатель, водитель предупредил об отправлении. Господин Шмидт задрожал и подошёл ближе : «Прости...» Я не могла больше смотреть в его полные ужаса глаза и, молча, отступила в темноту. Через мгновенье автобус уносил меня из мрачного Берлина в солнечный Париж, я при тусклом свете лампочек-ночников пыталась записать

в блокнот свежие путевые заметки. Прошло некоторое время , и усталость взяла свое: я задремала, и куда –то по реке времени уплывали фигуры унтерофицера, солдата в фашистской форме с уродливыми большими ушами... Время от времени до меня доносились издалека какие-то странные звуки, не то звуки автоматной очереди, не то звуки ладоней Катюши, бьющие и бьющие Хайнца по щекам...

ВЕРКА

Мой телефон зазвонил под утро, где-то около 4 часов. Я поднялась, ворча, и стала наощупь искать в темноте сияющую зеленоватым фосфорным светом трубку. До продолжающего спать сознания откуда-то донесся голос моей тети, которая прокричала:

- Маришка, это ты? Слышишь меня?

- Да слышу, слышу...Тебе что, не спится?

- Да ты подожди, не ругайся. Знаешь, тут такое случилось! Вобщем, отпрашивайся с работы и приезжай, иначе не простишь потом себя...Ну всё. Жду часикам к шести...

Надо ли рассказывать, как я стала собираться, заваривать кофе, чтобы прогнать остатки сна, отсчитывать деньги на бензин, звонить директору на мобильный телефон и слушать ворчание, а потом бормотать в ответ что-то невнятное. Но если позвонила тетя Люба, значит, случилось что-то из ряда вон!

Моя родная деревня расположена недалеко от города, и если ехать со скоростью около 100 километров в час, то путь займёт минут 45.Попрощавшись с домашними и оставив их в полном недоумении, я завела машину и поехала по трассе в северном направлении. Было тёплое летнее утро, солнце висело над горизонтом и радугой разливалось в море росы на полях. Я открыла окно и с наслаждением вдыхала свежий прохладный воздух, который врвался в салон машины.

Впереди, на асфальте растекались пятна-миражи, которые издали ка всегда принимаешь за лужи. Не было ни привычных к раннему времени дальнoбойщиков на фурах, от которых мои «Жигули» подбрасывало над дорогой, ни дачников, лишь изредка встречались группы иномарок северян-вахтовиков, возвращающихся в родной город ближе к выходным.

Увидев указатель поворота на мою деревню, я обрадовалась: скоро узнаю, что случилось, и с тети Любы – шанежки с картошкой за беспокойство. Взлетая с одного холма на другой, я увидела её – Берёзовку. Приветливо блеснула между берёзовых колков извилистая речка без названия, и показались все сорок крыш – будто кто-то рассыпал на пригорке вафли, печенье и шоколад.

Одинокaя женская фигура в коричневом плащике советских времен привлекла моё внимание. «Тетя Люба!» – я притормозила. Она ворвалась в салон вместе с деревенским чистым воздухом и запахом навоза:

– Маришка, привет! Ну ты гоняш, чуть мимо не пролетела. Пойдём, вернее, заводи, поехали...

– Куда? – я посмотрела в её узенькие черные живые глаза, на седые волосы, белый, повязанный «под татарочку» – концами назад – платок и подумала: «Тетя, тетя... Что же с тобой стало в твои пятьдесят! Ведь мой отец тебя старше, а выглядит как огурчик». Мысли выходили темные, как клубы дыма из выхлопной трубы.

– Давай ко мне, скорее... Там – Верка! – тетя уже нашла под сиденьем бутылку с водой и жадно стала пить.

– Ты скажи, ты зачем так рано на плотину вышла одна? Что я дорогу бы не нашла?

– Да кто меня украл? Ты следи за дорогой, въедешь в Серёжкин огород – твой бывший ухажёр не больно рад будет!

Я разозлилась на неё и замолчала: поднимает среди ночи, ничего толком не объясняет, да ещё Серёжку не к месту припоминает, как будто сама в первый раз никогда не любила! Но тетя уже кричала:

– Стой, айда в избу! Щас совет держать будем.

Мы вошли в одноэтажный старый дом, который уже начал разрушаться: осыпалась штукатурка и выглядывали соломенные блоки. Такие дома строились в пятидесятые годы. Дом был рассчитан на два хозяина, вернее хозяйки – бабушка жила с одной стороны, а тетя Люба – с другой. Они ходили друг к другу в гости, обмывали косточки сельской молодёжи, ждали вестей из города от меня и моих родителей. Недавно бабушка умерла, и теперь обе половины принадлежали тетке.

На кухне, у печи, на детском стульчике сидела Верка – моя подруга детства. Они всегда жили в доме напротив. Верка дрожала, её руки были окровавлены, в ладонях зажаты ножницы и грязные нитки с воткнутой в них иглой. В доме сильно пахло валерьянкой и какими-то ещё лекарствами. Верка посмотрела на меня большими круглыми заплаканными глазами, вокруг которых растеклась тушь. Она была в рваной футболке, стриженные по моде черные волосы топорщились ёжиком.

– Привет, ты чего здесь делаешь? – спросила я.

Она вскочила, расставила в стороны окровавленные руки и обняла меня осторожно, чтобы не испачкать. Я почувствовала, как она дрожит всем телом.

– Маришка...я...Сашку убила...Ножом слева ударила...нечаянно... Помоги, а? Я вот рану его зашила нитками. Кожа ведь такого же цвета. Может, не заметят менты? А врачи не заметят, а?

От неё сильно пахло «Сельхознапитком», настойкой, которую Верка сама мастерски готовила на дрожжах и молоке.

– Ты что плетёшь? Да ты пьяная! Вымой руки, проспись. Да ты бредишь!

– Нет, я Сашку убила, – повторила она спокойно и серьёзно.

Мы с теткой переглянулись, тут у меня похолодела спина и подкосились ноги. Я присела на шаткий табурет – обычную мебель в женском хозяйстве, а Верка продолжала:

– Я не знаю, как это получилось... Ондра ться полез, скотина! Мы Лёшкин день рождения справляли. Хлеб на столе кончился, ну я и режу на кухне. А Сашка приревновал: ты Лёшке глазки строила, ты его любишь, младший – от него...

– Ну а ты чё? – спросила тетя Люба.

– Чё-чё, ничё! – засмеялась Верка, – а я его ножичком – чик, и нету Сашки.

Она продолжала дико хохотать, пока я не нахлестала её по щекам и не дала ей холодной воды.

– Ну, а рану-то зачем зашила, дура? – спросила я

– А чтоб в морге не заметили. У меня же два сына, мне в тюрьгу нельзя. Маришка, ты у нас умная, слышишь, надо выкрутиться, слышишь! Помоги!

– Да ты что! – вскочила я, – это же уголовщина! Но ты защищалась, могут дать условно. Дети маленькие. Тетя Люба, звони в райцентр!

Верка вскочила, замахнулась на меня ножницами:

– Ах ты с.., ты же со мной росла! Мой Сашка с твоим Серёжкой – друзья! А ты меня – ментам!

Я отвела её руку в сторону:

– А куда тебя, в партизаны?

Она посмотрела на меня долгим беспомощным взглядом затравленного зверя. В это время за окном пропел петух. Верка очнулась и побрела к дверям. Я смотрела в окно, как она пересекла улицу и исчезла за калиткой. Тётя Люба тяжело вздохнула за моей спиной, и я спросила:

– Ты позвонила?

– А надо ли?

Я крикнула:

– Да вы что здесь все спятили? Звони!

Она стала нехотя набирать какие-то номера... Я открыла дверь в комнату и остолбенела – на тетиной кровати спали два мальчика-погодка четырех и пяти лет. Дети всхлипывали во сне и обнимали друг друга. Тетя подошла ко мне так близко, что я вновь почувствовала запах навоза, исходящий от её рабочего халата. Она

бросилась ко мне, заплакала и спросила:

- Как жить-то дальше, а?

Я промолчала. Через некоторое время на нашей улице остановились машины скорой помощи и милиции. Из соседних домов стекались со скоростью света люди всех возрастов, желающие поглазеть на «концерт», как называют в деревне любое событие, нарушающее спокойное течение жизни. Я прислушалась к разговорам:

- Ох, какая беда! – вздохнула пожилая учительница Анна Семеновна. – Ведь говорила ей : «Верка, не пей!», а она: «А я школу закончила, хорош меня учить»...

- Чё, ребята, Санек скопытился, говорят... Ну, Верка помогла... – ехидно пробормотал запойный сосед Силантьев, который уже суетился по поводу «выпить за упокой». Несколько мальчишек разных возрастов переговаривались:

- А чё, крови-то много?

- Вот бы в дом заглянуть! Пойдем, с огорода попробуем!

- Андрюха, не лезь, в ментовку загребут!

Молодой высокий и худощавый участковый вышел из машины, и выругался, наступив на коровью лепешку. Мальчишки громко рассмеялись и поспешили скрыться на велосипедах. Он сосредоточенно посмотрел по сторонам и подошёл к нам:

- Свидетели есть?

Через некоторое время участковый уже сидел на скамье с тетей Любой, смотрел, как она утирает слезы крупным мужским носовым платком, что-то спрашивал и записывал в протокол. Тетя Люба дрожащей рукой подписывала внизу каждую страницу и всхлипывала. Я побрела к Веркиному дому и уселась на скамью. Из палисадника на меня свисали ветви черёмухи, по одной из них бежали два муравья. Они то догоняли друг друга, то снова разбегались в стороны. Передо мной вдруг встал сюжет из прошлого: нам по шестнадцать лет, мы – на реке. По берегу бегут друг за другом Верка и Сашка, прыгают в холодную июньскую

воду и смеются. Я сижу на берегу в тени деревьев и завидую им: мой Серёжка снова не пришёл...

«Верка!» – я оторвалась от воспоминаний и стала искать её глазами. Во двор к ней никого не пускали, пожилой мрачный милиционер молча отстранил меня рукой – мимо пронесли на носилках тело Сашки, накрытое детским покрывальцем с весёлыми яркими зайчиками. Я узнала Сашкину наколку на безжизненно свисавшей кисти руки «В.Л.» – Вера Леонтьева. Верка!

В 9 часов утра мы проводили всех приезжих в райцентр, а детей Верки забрала её младшая сестра. Веру никто не видел. Я поехала на работу с тяжёлым сердцем, пытаюсь забыть это страшное утро, печальные глаза Верки, «Маришка, помоги!», двух муравьёв на ветке черёмухи, и многое другое. Ближе к вечеру в душу ворвался телефонный звонок и голос тетки:

– Нашли... неводом обмоталась... утонуть и не выплыть ...похороны ... приезжай...

Их похоронили не вместе – родители Сашки не разрешили «положить сына с убийцей». Поминки тоже были в разных местах, односельчане выбирали, к кому пойти. Нам была ближе Вера. Тетя Люба уже суетила тарелками, блинами, разливала компот. Я услышала её неугомонный голос:

– Маришка, выпей за упокой души...

– За упокой не пьют...

ТАНЮША

Было хмурое зимнее утро, и как-то не особенно радовал воскресный день. Я возвращалась из магазина с двумя пакетами продуктов, которые нужно было занести на пятый этаж, что при моей тучной фигуре не так-то легко. Хотя, я считаю, учительнице важно быть полной. За десять лет работы в начальной школе я заметила, что дети младшего возраста любят меня обнимать чаще, чем других моих коллег, например, ту же учительницу по физкультуре с идеальной фигурой. И вообще – моя полнота придает мне уверенность в себе и защищает меня от окружающего мира. Но... я отвлеклась. По подъезду разносился неприятный запах мочи и самогона, который

заставил меня поморщиться и закрыть варежкой нос. На ступенях между четвертым и пятым этажом сидела она – «новая поселенка», как презрительно называли её жильцы. Дело в том, что я выросла в этой хрущевке, и меня здесь знали с самого раннего детства, но всех, кто переезжал позднее, местные «аборигены» не любили и называли «поселенцами». Относились к ним осторожно, вечные бабули на скамейке никогда не останавливали их для дружелюбной беседы, с ними только сухо и вежливо здоровались.

На четвертом этаже жил Витя Смирнов. Хотя он и был из «аборигенов», но к нему все также относились с опаской: это был забудыга, который в молодости напивался до потери сознания и засыпал на коврике у дверей квартиры. Я помню, как мне постоянно приходилось перешагивать через него, когда я возвращалась из школы. Первокласснице этот пьяный храпящий длинноволосый парень казался каким-то страшным чудовищем, которое может в любой момент проснуться и цапнуть за ногу или за руку. Я, мысленно визжа от страха, подходила к нему на цыпочках, перешагивала осторожно и легко взлетала к себе на пятый этаж, чтобы потом боязливо наблюдать за его безумным пьяным сном и радоваться, что двери квартиры уже открыты, и, при случае, можно будет спрятаться в любой момент.

У Вити была мать, Елена Ивановна, прикованная к постели несчастная худощавая женщина, но её здоровье Смирнова мало заботило. Он пропивал всю свою зарплату, затем выколачивал у матери её пенсию, в конце концов бедную женщину кормили соседи, пока «сыночка» не было дома. Несчастная тихо угасла хмурым февральским утром, а Витя, недолго печальась, нашел себе новую жертву.

«Итак, она звалась Татьяной...» Как-то кощунственно звучат эти пушкинские строки в данном случае. Впрочем, я была одной из немногих, кто называл её по имени. В подъезде было холодно, мне стало жаль «поселенку», и я позвала:

– Танюша!

Глаза её почти ничего не видели, об этом в первую очередь позаботился Витя, избивая её по голове с особой жестокостью. Лицо Татьяны представляло собой одно

сплошное месиво синюшного цвета, хотя ещё можно было разглядеть правильные черты лица, прямой нос и густые брови. Фигура этой женщины в отличие от моей была идеальной, но руки и ноги постоянно были в синяках и кровоподтеках. При всем при этом дико выглядела её прическа: идеальная стрижка и химическая завивка! Видимо, в редкие минуты просветления она пыталась снова принять человеческий облик.

– Танюша! – повторила я.

Она вздрогнула, повернула голову в мою сторону, пытаюсь увидеть меня стеклянными незрячими глазами, всхлипнула и горько заплакала.

– Как... как ты сказала? Танюша? Меня так только мама в детстве называла... Я, это, Риточка, сейчас тут уберу за собой... Витька, паршивец, пенсию мою пропил, а меня – на лестницу. Гад! Холодно ведь... На улице поди мороз сорок градусов. Я уберу, уберу... вот домой бы только попасть.

– Да, холодновато сегодня, – поддержала я разговор, – Тань, скажи, а ты могла бы не пить?

– Могу и не пить, да вот только не хочу бросать. Как не пить от такой жизни, ты скажи? Я ведь только пьяная и забываю, кто я теперь.

– И просыпаешься в собственном дерьме. Извини. Замкнутый круг какой-то.

Она стала подниматься, застонала: по ободранной руке стекала струйка крови.

– Ушла бы ты от него, убьет он тебя, он и мать свою голодом заморил, – сказала я.

– Некуда мне идти, Риточка, некуда. Разве что в колодец какой или в тепlopункт. А ещё лучше – петлю на шею да к родителям в могилу. А убьет Витька – не беда, вот и петли не надо...

Татьяна нетвердыми шагами побрела к двери и стала стучать в неё. Витя не отзывался, видимо, провалился в глубокий пьяный сон, в котором он проводил большую часть своей жизни. «Поселенка» достала из кармана грязного пальто окурков папиросы, поискала спички и закурила. Затем она снова опустилась на пол, на этот раз уже прислоняясь к самым дверям квартиры.

– Красивая прическа у тебя!– я не нашла ничего другого для продолжения беседы, как сделать ей комплимент.

Женщина подавилась дымом, закашляла и снова заревела – именно заревела хриплым грубым звериным голосом. В это время соседняя дверь открылась, и показался седой мужчина благообразного вида, который вел собаку на поводке. Он поздоровался со мной и пренебрежительно кивнул на Татьяну, говоря о ней в третьем лице:

– Ну, когда же она гадить-то перестанет? Свалилась тут на нашу голову, бичёвка! Никак нажраться не может, думает всё вино перепить?

«Поселенка» мигом перестала рыдать и ответила ему отборным матом. Старичок поморщился и поспешил вниз, увлекаемый своим питомцем.

– Нуладно, Рита, ты иди себе, – сказала она, когда внизу стихли шаги, – а я уберу все профессионально, я ведь ещё недавно в нашем магазине полы мыла, пока этот изверг мне глаза не выбил.

Она пыталась улыбнуться, но получалась жутковатая гримаска. «Хорошо, что ты уже не видишь в зеркале своё отражение», – подумала я.

Откуда Татьяна пришла, что с ней было до этого, я так и не узнала, хотя видела её несколько раз после этого разговора. Она была либо очень пьяна и уже не могла разговаривать, либо спала посреди всё той же зловонной лужицы – отбитые почки и мочевой давали о себе знать.

Так прошла зима. Весной Татьяна исчезла. Никто в подъезде не интересовался, куда. Все просто радовались: наконец-то нет этих лужиц на четвертом этаже!

Как-то раз, возвращаясь из школы после уроков, я увидела Витю: он сидел во дворе, грязный и заросший щетиной, и просил увсех прохожих закурить. Я попыталась узнать у него про «поселенку»:

– Витя, а где Таня?

Он посмотрел на меня одуревшим от спирта взглядом:

– А тебе какое дело? Может, я её пьяный на помойку выбросил,

а, может, она сама куда ушла. Кошки подышать подальше от дома убегают, – и он рассмеялся недобрый смехом. – Эй, учителька, а закурить-то у тебя есть?

На летних школьных каникулах собрались мы с классом на экскурсию в Новотихвинский женский монастырь – известный в стране памятник истории и архитектуры. Было уже тепло, сухо. Дорога заняла всего 3 часа, никто из ребят не устал во время пути.

Наш автобус проехал по песчаной дороге между сосен и берез, и мы увидели красные кирпичные стены. Монастырь был построен ещё в начале 19 века, но за годы советской власти был разрушен, как и многие святыни в нашем государстве. Лет пятнадцать назад он стал потихоньку восставать из руин благодаря труду прихожан и монахинь. Многочисленные туристы привозили с собой еду, рабочую одежду, теплые вещи для монахинь и поселенцев. Привезли и мы несколько платков, рукавиц для работы и хлеб для трапезы.

Экскурсия подошла к концу, и сестра Феодора пригласила нас на трапезу вместе с трудниками. Ученики мои присмирели и слушали беседы монахинь о жизни в монастыре и планах по восстановлению его. Вдруг сестра Феодора сказала кому-то:

– Танюша, проводи наших гостей до автобуса, если тебе не трудно.

– Да, конечно, сестра... – услышала я знакомый хриплый голос.

– Маргарита Сергеевна, – сказала сестра-монахиня уже, обращаясь ко мне, – Видит она слабо, но прекрасно ориентируется в пространстве и очень любит встречать и провожать наших гостей.

Я встала из-за стола и лицом к лицу столкнулась с ожидающей нас Танюшей. Как-то не вязалась прежняя картина «поселенки из подъезда» и трудницы в чистом цветастом платье и светлом платке. В руке её была легкая деревянная самодельная трость, подаренная кем-то с большой христианской любовью. Следы побоев почти исчезли с лица и рук. Она была какой-то просвет-

ленной до неузнаваемости.

– Танюша, – позвала я.

Она не удивилась, просто медленно повернула лицо в мою сторону и улыбнулась:

– Здравствуй, Риточка, я уже давно услышала твой голос, когда ты успокаивала своих ребятишек. Ну, здравствуй... А я вот здесь теперь. Ты тоже думала, что я умерла? Легла я на операцию в больницу, а врач-то, добрая душа, после выписки сюда меня и отправила – подальше от гибели. Вите только не говори, где я: приедет ведь, осквернит Божье местечко! Покаянствую перед смертью. Бога молить буду... за сына в тюрьме и дочку в детдоме... – она захрипела, но тут же успокоилась и зашагала перед нашей группой, изредка постукивая тростью перед собой.

Через несколько минут наш автобус отправлялся, я смотрела из окна на Танюшу – махать ей не было смысла. Снова замелькали перед глазами березы и сосны, гипнотизируя меня. Я медленно погрузилась в какой-то транс – промежуточное состояние между сном и бодрствованием – и отключилась от всего внешнего: громких разговоров моих учеников, шума двигателя и еще чего-то. Особенно обострились размышления о Танюшиной судьбе. Хотелось как-то озаглавить все увиденное или хотя бы подобрать подходящий эпитет. Перед глазами закрутились какие-то символы, таблицы, лица великих людей: голова загрузалась, как компьютер.

Наконец, танцующие символы сложились в слова, и я узнала фразу, услышанную как-то во время службы в храме:

– Встань с колен своих и иди...

СОДЕРЖАНИЕ

Малокровие	3
Дождь	4
Эпизод	5
Розовый троллейбус	6
Ночь в Берлине	7
Вечер	8
В мае	9
Надежда	10
«Меня очень много...»	11
Встреча	12
Между	13
Зимой	14
Себя оправдать?	15
Отчаянные мысли	16
Виденье	17
Одинокая	18
«Фотография – словно рана...»	19
Славлю	20
Душа моя – ёжик	21
Быть собой	22
Пасха	23
В парке	24
Не жалко	25
Выбор	26
Убегать	27
Не камасутра	28
Ренессанс	29
Россия – со мной	30
Лик Христа	31
Жду	32
Картины из прошлого	33
В новом храме	34
Приходи	35
Бездуховность	36
Триптих	37
В моде?	38
«Вещь в себе»	39
Дождь	40
Осень	41
Март	42
Кто-нибудь ответит	43
Апрель	44
Встреча в Берлине	45
Верка	48
Танюша	54

Танаева Марина Николаевна.

Быть собой.: Стихи и рассказы.

– Курган: Центр «Отклик», 2007. – 60 с.

© М.Н.Танаева (стихи), 2007.

© Центр «Отклик» (макет), 2007.

Заказ 762. Подписано в печать 18.06.2007. Тираж – 100.
Отпечатано в редакционно-издательском секторе центра «Отклик».
г. Курган, ул. К. Цеткин 11/2, тел. 54-20-53.